

СТРУКТУРА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Современные лезгинские языки характеризуются в целом едиными принципами построения простого предложения, различая эргативную, аффективную (= дативную) и абсолютную конструкции предложения, обусловленные лексическим качеством глагола-сказуемого. Эргативную конструкцию составляют переходный глагол-сказуемое и два именных члена предложения: имя деятеля (агенса) в эргативе и имя объекта (пациенса) в абсолютиве. Аффективная конструкция включает аффективный глагол-сказуемое и его актанты: имя субъекта (экспириенцер) в дативе и имя объекта в абсолютиве. Абсолютная конструкция предложения характеризуется наличием у непереходного глагола-сказуемого единственного обязательного актанта в абсолютиве. Поскольку эти три конструкции выделяются во всех лезгинских языках, это состояние может быть легко спроецировано в общелезгинскую эпоху. При этом с учетом опять-таки единых правил порядка слов в современных лезгинских языках схема расположения членов предложения в пралезгинском языке может быть представлена в виде "субъект — (объект —) глагол". Приведем примеры функционирования охарактеризованных выше конструкций предложения в современных лезгинских языках

Эргативная конструкция: лезг. *йаһа кӀвар кӀачуна* 'женщина кувшин взяла'; таб. *хIурчабни лукуI гъибисну* 'охотник орла поймал', агул. *хӀаһахъанди хуб рукуне* 'чабан барана зарезал'; рут. *нины йак гъухъвара* 'мать мясо варит'; цах. *декӀ балкан алившуна* 'отец лошадь купил'; арч. *хIелми накъв чIаIр ав* 'дождь землю намочил'; крыз. *фирар х-аьнийаьр куьтIулджи* 'мужчина волов запряг'; буд. *сокулдур джибджибер саьалджи* 'лиса цыплят съела'.

Эргативное построение наблюдается также при глаголах типа *качать, махать*: ср. рут. *ришер гъукъул субды ва'ара* 'девушка головой качает'; буд. *кӀил кӀумотIу* 'ногой не топай'.

Аффективная конструкция: лезг. *рушаз кӀац аӀуна* 'девушка кошку увидела'; таб. *шубариз нимкӀар гъидихъну* 'девочки землянику нашли'; агул. *зус ве тIур х-уйе* 'я твое имя знаю'; рут. *хынимешис йималаьлаь лулчес бала гъыгар* 'дети на осле кататься очень любят'; цах. *йедис джена дих ыкан* 'мать своего сына любит'; арч. *без йамуб цIай бакуршиби* 'я эту козу вижу'; крыз. *заьс хор саьс ихъаьджи* 'я лай собаки услышал', буд. *зӀз вын инджитми си'и йикӀэдӀд* 'я тебя беспокоить не хочу'. Для некоторых аффективных глаголов характерно употребление в качестве объекта инфинитива (ср. рутульский и крызский примеры).

В современных лезгинских языках класс глаголов, обуславливающих аффиктивную модель предложения, достаточно непродуктивен. В него обычно входят такие глаголы, как *любить, хотеть, видеть, слышать, знать, забывать, находить, бояться*. В пралезгинском, по-видимому, круг подобных глаголов был несколько шире (ср., например, глагольные дублеты: **aɟla* ~ **axla* 'знать', **akwa* ~ **urkɣlaɣr* 'видеть').

Абсолютная конструкция: лезг. *буба фена* 'отец ушел'; таб. *хьадукар улубкьу* 'весна наступила'; агул. *шиникв итархьуне* 'ребенок заболел'; рут. *хьаьд лархьыра* 'вода помутнела'; цах. *зербы хьадымы* 'коровы вернулись'; арч. *дийа вирхвиншиви* 'отец работает'; крыз. *лиф ухварадж* 'голубь воркует'; буд. *вирагь дьх кьовчIуьри* 'солнце рано всходит'.

Разновидностью абсолютной конструкции предложения можно считать также безличные предложения типа буд. *фейи ви* 'жарко' и эквативные типа рут. *изды нин лап гьыхды ри'и* 'моя мать очень хорошая'.

Судя по данным языков, сохранивших классное словоизменение, пралезгинский глагол согласовывался в классе с именем в абсолютиве, ср. таб. *риш жа-р-гьура* 'девочка бежит' ~ *дажи жа-б-гьура* 'осел бежит' (абс. конструкция), арч. *без цIай б-акурши б-и* 'я козу вижу' ~ *вез бошор в-акурши в-и* 'я мужчину вижу' (афф. конструкция).

Целесообразно рассмотреть в данной главе принципы классного распределения субстантивов (соответствующие показатели реконструируются в гл. "Морфология").

Современные лезгинские языки с точки зрения представленных в них систем именной классификации объединяются в три группы: в лезгинском, агульском и удинском языках классная дифференциация имен ныне отсутствует; табасаранский язык дает двухклассную систему с противопоставлением личного (названия людей) и неличного (названия животных, предметов и др.) классов; в остальных языках — рутульском, цахурском, арчинском, крызском, будухском и хиналугском — обнаруживается система из четырех именных классов¹, причем логические основания зафиксированных в этих языках классных систем совпадают. Так, здесь практически без исключений противопоставлены:

1. Имена, обозначающие лиц мужского пола (первый грамматический класс), ср. рут. *едеми* 'мужчина', *баба* 'дедушка', цах. *цума* 'жених', *дих* 'сын', арч. *дийа* 'отец', *бошор* 'муж, мужчина', крыз. *млаьй* 'дядя (со стороны отца)', *дайси* 'дядя (со стороны матери)', буд. *фури* 'мужчина', *шид* 'брат' и т.п. В этот же класс включаются, как правило, имена типа цах. *гьыниш*, крыз. *кьог* 'бог'.

2. Имена, обозначающие лиц женского пола (второй грамматический класс), ср. рут. *хьыдылды* 'женщина', *бабай* 'бабушка', цах. *абай* 'теща, свекровь', *йед* 'мать', арч. *бува* 'мать', *дозба* 'бабушка', крыз. *хьаляьй* 'тетя (со стороны матери)', *кьев* 'одномужница (сомужница)', буд. *риж* 'дочь', *шидыр* 'сестра' и т.п. В данный класс могут быть включены также имена типа рут. *аьлбесди* 'ведьма', цах. *цциций* 'кукла' и др.

3. Имена, обозначающие животных, а также некоторые неоду-

¹Если рассматривать систему именной классификации с чисто согласовательных критериев, то классов может оказаться больше, ср., например, Кибрик 1972

шевленные предметы и явления (третий грамматический класс), ср. рут. *къарг* 'баран (двух лет)', *хълад* 'ворона', *джар* 'сметана', цах. *зайр* 'корова', *ваз* 'луна', арч. *гвацци* 'кобыла', *жыра* 'бедро', крыз *зайли* 'пиявка', *клядыр* 'котел', буд. *купаьл* 'петух', *вис* 'родник' и т.п.

4 Имена, обозначающие неодушевленные предметы и явления (четвертый грамматический класс), ср. рут. *къан* 'дно', *шыдыкь* 'мята', цах. *клакI* 'ресница', *хура* 'малина', арч. *лагум* 'песня', *олрхи* 'соль', крыз. *рух* 'палас', *мыкIраьтI* 'ножницы', буд. *рах-адж* 'мука', *черх* 'колесо' и т.п. В этом же классе могут оказаться также и названия животных, чаще мелких, насекомых и птиц.

Как видно, принцип распределения именной лексики по соответствующим классам выдерживается достаточно строго лишь в случае названий людей, которые без колебаний причисляются соответственно к первому или второму классу. Менее очевидным является обособление в третий класс названий животных — здесь уже достаточно частыми оказываются исключения. Наконец, в высшей степени противоречивую картину представляет собой классная дифференциация неодушевленных субстантивов. Приведем некоторые примеры из крызского языка:

III класс		IV класс	
<i>кIаамIин</i>	'щека'	<i>бел</i>	'лоб'
<i>джимел</i>	'кизил'	<i>зыриш</i>	'барбарис'
<i>тыр</i>	'ложка'	<i>каьнтI</i>	'нож'

В ряде работ, посвященных классным системам отдельных лезгинских языков, предлагались некоторые критерии, позволяющие с большей или меньшей степенью достоверности распределить неодушевленные имена по III и IV классам. Б.Б. Талибов (1961, 219), полагающий, что "в основе первоначальной классификации имен по грамматическим классам в цахурском языке также лежал семасиологический принцип", отмечает, в частности, что названия жидкостей (*хъан* 'вода', *чахыр* 'вино', *буза* 'брага', *вухIана* 'вид браги'), металлов (*йува* 'железо', *гьалдан* 'сталь', *накьра* 'серебро'), осадков (*гегъуй* 'дождь', *йиз* 'снег', *долу* 'град', *чий* 'роса') включаются в IV класс, хотя имеется несколько исключений.

Логический принцип, лежащий в основе классификации имен в цахурском языке, пытались выявить Г.П. Мельников и А.И. Курбанов (1964, 161). Ими была предложена схема дифференциации четырехклассной системы по двум признакам — активности/пассивности и разумности/неразумности:

	Разумность	Активность
I гр кл	+	+
II гр кл	+	—
III гр кл	—	+
IV гр кл	—	—

Аналогичная попытка была предпринята на материале арчинского языка Д.С. Самедовым (1975, 19—21), выявляющим следующие критерии распределения субстантивов по III и IV классам: производность, признак величины, семантическая аналогия и характер значения (абстрактность, конкретность).

Тем не менее, картина продолжает оставаться неясной. Не даст, по-видимому, сколько-нибудь заметных результатов для прояснения вопроса и типологическое исследование: например, привлечение материалов африканских языков (банту), известных развитой системой согласовательных классов, или индоевропейских с их грамматическим родом, ср., в частности, замечание Л.И. Жиркова (1961, 198) о том, что "самые принципы классификации всех вещей и явлений, составляющих вместе всю окружающую человека природу, в обоих сравниваемых группах языков (дагестанских и банту. — М.А.) различны".

Из вышеизложенного становится очевидной необходимость поиска решения данного вопроса путем сравнительно-исторического анализа: лишь реконструировав систему именной классификации пралезгинского языка (и далее — прадагестанского) на базе сравнения современных языков, выявив принципы, лежащие в основе этой системы и проследив динамику ее развития, можно будет с большей или меньшей степенью уверенности указать те критерии, по которым осуществлялось классное распределение имен. При таком условии, на наш взгляд, более корректным окажется и типологическое исследование.

Остановимся на характеристике лексического состава III и IV именных классов, основываясь на показаниях генетически родственных лексем рутульского, цахурского, арчинского, крызского и будухского языков. Заметим попутно, что непосредственное сравнение слов тождественной семантики не может дать положительного результата, поскольку у сравниваемых лексем может оказаться различное этимологическое значение, что отразится и на их классной принадлежности.

подавляющее большинство лексем, восходящих к общелезгинскому состоянию, обнаруживают полное сходство с точки зрения их вхождения в тот или иной класс (здесь мы рассматриваем только III и IV классы). На основании этого и для пралезгинского языка можно предположить наличие соответствующих именных классов. Третий именной класс пралезгинского языка включал следующие семантические группы существительных:

а) названия животных, птиц и насекомых:

**vaɣlʲɪʲe* 'свинья, кабан' > РХх *вак* 'старый хрыч (бран.)', Ц *вок*, Ар *бо́льI*, К *вак* Б *вэк* (также Л *вак*, АФ *вак*, У *бокьI*);

**vikʲar* 'ягненок (от 1 до 2-х лет)' > Ар *бакъари*, К *викъэр*, Б *викъер* (также Л *къар*, АБк *укъар* 'баран');

**vis* 'тур' > Р *васи* 'самка тура', Ц *вис*, Ар *бос*;

**gɪgu-* 'кукушка' > Р *гиггу*, Ц *гукь*, Ар *гик* К *гугу*, Б *гугу-mI* (также Л *кукь-nI*, Т *кукь-m*, А *кеку*);

**kʲɪʲel* 'мышь' > Р *кьул*, Ц *кьов*, Ар *но-кьлон*, К *кьал*, Б *кьэл* (тж. Т *кьул*, А *кьул*, У *мел*);

**kʲɔna* 'козел' > Р *кьын*, Ц *кьына*, Ар *кьон* (тж. Л *кьун*, Т *кьун*, А *кьун*),

**kʲɔra* 'заяц' > Р *гьыр*, Ц *гьыь*, К *кьур*, Б *кьур* (тж. Л *кььр*, Т *гьыр*, А *гьур*, У *гьу*);

**ʃɔlʲa* 'лиса' > Р *сикI*, Ц *сылаI*, Ар *сол*, К *сакул*, Б *сакул* (тж. Л *сикI*, Т *сикI*, А *сул*, УБ *шул*);

**лоль(в)* 'вошь' > Р *лихь*, Ц *вихь*, К *лиш*, Б *лиш*;

**(му)сваьл* 'улар' > Ар *мусал*, К *сел*, Ц *соле* (тж. АК *улусум*); в эту же группу включаются лексемы **цIуь* 'блоха', **цаьр* 'корова', **йамц* 'бык, вол', **цIегь* 'коза', **кату* 'кошка', **све* 'медведь', **Iам* 'волк', **кьIогьIор* 'еж', **мулахьIв* 'червь', **лIар* 'змея', **лучIа* 'телка', **ликьIв* 'орел' и др.

б) названия деревьев и плодов:

**лытIа* 'ячмень' > Р *хьытI*, Ц *хьытIа*, Б *фитI* 'ячмень в глазу' (тж. Л *гитI* 'вареная пшеница');

**махьIа* 'дуб, желудь' > Р *махIв*, Ц *мохьI*, К *мегь* (тж. Л *мегьв*, Т *махьIв*, А *махьI*-, У *махьI*||*махI*);

**херт* 'липа' > Ц *хид*, К *хир* (тж. Т *хIард*, А *хирд* 'береза, тополь');

**хвей* 'алыча' > Р *хьад*, Ц *хон*, К *хэд*, Б *хед* (тж. Л *хват*, Т *хут*, А *хут*) и нек. др.

в) названия небесных тел:

**виракь* 'солнце' > Р *виригь*, Ц *вирыгь*, Ар *бархь*, К *вирагь*, Б *вирагь* (тж. Л *ригь*, Т *ригь*, А *рагь*);

**вай* 'луна' > Р *ваз*, Ц *ваз*, Ар *бац*, К *ваьз*, Б *вэз* (тж. Л *варз*, Т *ваз*, А *ваз*);

**хIайа* 'звезда' > Р *хIадей*, Ц *хIане*, Ар *хIолош-хьIан*, К *х-аьчI*, Б *х-ачI* (тж. Л *гьед*, Т *хIад*, А *хад*);

г) некоторые названия частей тела:

**мохор* 'грудь' > Р *мышыр*, Ц *муху*, Ар *мохор* 'грудинка', К *махар*, Б *махар* (тж. Л *хур*, Т *мухур*, А *мухур*);

**мочIор* 'борода' > Р *мычIри*, Ц *мучIру* 'ус', Ар *мочIор*, Б *мичIер* (тж. ТХ *мучIур* 'острие сохи', А *мучIур* 'подбородок');

**вил* 'глаз' > Р *ул*, Ц *ул*, Ар *лур*, К *гIуьл*, Б *гIуьл*, (тж. Л *вил*, Т *ул*, А *ул*, У *пул*);

**Iам* 'ухо' > Р *убур*, Ар *ой*, К *ибр*, Б *ибир* (тж. Л *йаб*, Т *иб*, А *йабур*); в эту же группу включаются лексемы **мам* 'грудь (ж.)', **мелц* 'язык', **му'ел* 'нос', **йакь* 'бок', **пыIмн* 'колени', **тай* 'сухожилие';

д) прочие лексико-тематические группы:

**моIлор* 'лестница' > Р *мыгьыр* 'носилки для покойника', К *мыгьыр*, Б *йумур* (тж. Л *гур-ар*);

**морIбол* 'столб, опора' > Р *мышьыл*, Ар *морIбол* 'нога' (тж. Л *гул*, Т *мурхьул*);

**мосол* 'надгробный камень' > Р *сыл*, Ар *мосол* (тж. У *ол* 'столб, колонна');

**цIвирт* 'каменный столбик' > РХх *цIуд*, Ар *цIут* (тж. Т *цIвурд*, А *цIуд*);

**ракьI* 'дорога' > Р *рахьI*, Ц *йахьI*, Ар *декьI* (тж. Л *рехь*, Т *ракьI*, А *ракьI*, У *йакь*);

ср. также *(*мо*)*цIвир* 'ложка', **лIаьл* 'след', **муркьул* 'веник', **сыва* 'гора', **каша* 'голод' и др.

В четвертый именной класс пралезгинского языка входили следующие лексемы:

а) названия веществ:

**лIаьн* 'вода' > Р *хьаьд*, Ц *хь,ан*, Ар *лIан*, К *хьаьд*, Б *хьэд* (тж. Л *йад*, Т *шид*, А *хьед*, У *хе*);

*цѣвѣра 'моча' > Р зур, Ц зей, Ар цор, К зыр, Б зире (тж. Л цѣвар, ТК джѣвр, А зур);

*лѣвирт 'навоз' > Р хьид, Ц хьид, Ар лѣвит, К хьид, Б хьид (тж. Л фид, А фурд);

в эту же группу включаются лексемы *миркѣв 'ржавчина', *йалѣ 'мясо', *йимх 'масло', *йиц 'снег', *ма' 'жир, сало', *наѣх 'солома, мякина', *имѣ 'мед', *рук 'пыль', *гѣламлѣ 'пот';

б) названия отрезков времени:

*йикъ 'день' > Р йигъ, Ц йигъ, Ар ихъ, К йигъ, Б йигъ (тж. Л йугъ, Т йигъ, А йагъ, У гъи);

*ыйив 'ночь' > Р ыиш, Ар иш, К йиф (тж. Л йиф, Т йишв, А гѣуиш, У уише);

*саьн 'год' > Р саьн, Ц сен, Ар сан, К саьн, Б сан (тж. У усен);

в эту же группу включаются лексемы *кѣлортѣ 'зима', *кѣлоѣ 'лето', *лѣаьн 'весна';

в) имена абстрактного содержания:

*йимлѣ 'аршин' > Р йукъ, Ар имкѣ, К йукъ, Б йукъ (тж. Л йукѣ, Т йукѣ, А йукѣ);

*лѣин 'клятва' > Р кьин, Ц кьин, К кьин, Б кьин (тж. Л кьин);

*наѣвлѣ 'сон' > Р накъ, Ц накѣ, Ар набкѣ, К нѣкьир, Б некьир (тж. Т нивкѣ, А емкѣ, У нѣи);

*ни' 'запах' > Ц ни'и//нѣ 'мята', Ар ди, К нѣгѣ, Б нѣгѣ (тж. Л ни, Т ни', АТ ни);

*цѣвер 'имя' > Р дур, Ц до, Ар цѣор, К тыр, Б тур (тж. Л тѣвар, Т цѣвр, А тѣур, уѣи);

сюда же (с некоторой долей условности) можно включить лексемы *кѣацѣ 'дыра', *лѣвир 'трещина', *лѣан 'дно', *лѣума 'дым', *цѣаѣ 'огонь', *чѣаѣ 'слово, речь' и нек. др.

г) названия строений, их частей, предметов домашнего обихода и инструментов:

*реѣлѣа 'мельница' > Р рухѣ, ЦГ йоѣлѣа, Ар дѣхѣ (тж. Л реѣв, Т раѣлин, А раѣ);

*ралѣлѣа 'дверь' > Р рак, Ц аѣа, Ар далѣ, К раѣк (тж. Л рак, Т раѣин, А раѣ);

*раѣлѣа 'гребень' > Р раѣлѣ, Ц аѣлѣа, Ар дахѣ, К раѣ (тж. Л реѣв, Т раѣлѣ, А раѣ);

*раѣн 'шило' > Р раб, Ц раб, Ар даб, К реб, Б реб (тж. Л риб, Т риб, А реб);

*аѣрлѣлѣ 'ярмо' > Ц олѣ, Ар олѣ, К укар (тж. Л вик, Т йурѣаѣ, АБ йарѣаѣ);

в эту же группу включаются лексемы *кѣав 'крыша', *кѣвиртѣа 'ступенька', *йаѣлѣ 'топор', *кантѣ 'нож', *кѣаѣ 'ножны', *кѣула 'доска', *кѣона 'рукоятка' и др.

д) названия некоторых частей тела:

*сыл 'зуб' > Ц сили, Ар сот, К сил, Б сил (тж. А силеб);

*сыв 'рот' > Ц сив, Ар соб, К сив, Б сив (тж. Л сив, Т уишв, А сиб, У оиш 'конец');

*лѣлол 'лопатка, передняя нога животного' > Р гыл, Ц гывы, Ар лѣлол, К кыл 'рука', Б кыл то же (тж. Л кѣул, ТК кѣул, А кѣул, У кѣул 'бедро');

*йикI 'сердце' > Р йикI, Ц йикI, Ар икIв, К йикI, Б йыкI (тж. Л рикI, Т йукIв, Ар иркIв, У ук);

в эту же группу включаются лексемы *йыкIв 'поясница, талия', *кьел 'нога', *хыл 'рука' и нек. др.

е) прочие лексико-тематические группы:

*неIлIв 'поле, пашня' > Ц нек, К ник, Б ник (тж. Л ник);

*тилIв 'облако' > Ар дильв, К джиб, Б джуф (тж. Л џиф, Т диф, А диф) и др.

Как видим, к третьему классу тяготеют не только одушевленные имена (т.е. названия животных), но и лексемы, обозначающие растения, небесные тела и нек. др. С другой стороны, в четвертый класс попадают имена с более абстрактным содержанием, при этом неодушевленные. Учитывая эти факторы, можно предположить, что "раздвоение" таких семантических групп как "Названия частей тела" (ср., с одной стороны, 'голова', 'глаз', 'борода' и т.п. и, с другой стороны, 'сердце', 'рука', 'рот' и т.п.) или "Названия предметов домашнего обихода" (с одной стороны, 'веник', 'игла', 'спица' и т.п. и, с другой стороны, 'нож', 'шило', 'гребень' и т.п.) вызвано именно подобным противопоставлением рассматриваемых классов. Кроме того, на такое распределение названных семантических групп не могли не повлиять, на наш взгляд, определенные этимологические факторы.

Вместе с тем далеко не вся исконная лексика современных лезгинских языков укладывается в вышеприведенную схему: значительный ее пласт обнаруживает колебания от языка к языку с точки зрения классной принадлежности сопоставляемых лексем. Наиболее системными оказываются расхождения с другими языками арчинского, в котором названия животных, птиц, насекомых, а также детенышей попадают, в отличие от других лезгинских языков, в четвертый класс, ср. арч. *мотол* (IV кл.) — рут. *мытыл*, буд. *тил* (III кл.) 'козленок', арч. *лылал* (IV кл.) — рут. *гавл*, цах. *гев*, крыз., буд. *кел* (III кл.) 'ягненок' и т.п.

Причиной подобного положения является, на наш взгляд, различная продуктивность III и IV классов в сопоставляемых языках. Так, на материале табасаранского языка можно показать, что в прошлом здесь возобладали тенденции к продуктивности III класса, которая привела к разрушению первоначальной четырехклассной системы: IV класс был поглощен третьим с одновременным слиянием с единый класс названий лиц на основе I и II классов. О подобной направленности процесса редукции системы именных классов в табасаранском языке свидетельствуют следующие факты: во-первых, нынешний показатель класса вещей -б- является историческим показателем третьего класса; во-вторых, здесь обнаруживаются реликты IV класса в виде особого согласования числительных с названиями отрезков времени, ср., с одной стороны, *са-д йигь* 'один день', *са-д йис* 'один год', *са-д йише* 'одна ночь' и, с другой стороны, *са-б гьайван* 'одна лошадь', *са-б кIул* 'одна голова' и т.д. (см. Магомедов 1965, 89—91).

Таким образом, можно предположить, что принадлежность названий мелких животных, детенышей и т.п. к IV классу, наблюдаемая в арчинском языке, — явление более древнее, в то время как в других лезгинских языках эти имена стали относиться к III классу уже в бо-

лее позднее время. Впрочем мы оставляем данный вопрос пока открытым.

При анализе других несовпадений можно заметить следующие тенденции: во-первых, включение имен с начальными губными в III класс (более последователен в этом отношении арчинский язык); во-вторых, включение названий злаковых и некоторых других видов растений в IV класс в крызском языке (реже в других языках). В связи с этим колебания класса в словах с начальными губными можно отнести за счет перехода этих слов в некоторых языках из IV класса в III класс, ср.:

**(во)мъын* 'клин' IV > Р *выгын* III, К *кын* IV (также Л *кун*, Т *кум*, АК *кун* 'щиколотка');

**вонцъыр* 'горное пастбище' IV > Ар *моцор* III, Р *вызыр* IV 'хлев' (также Л *цур*);

**маръв* 'дождь' IV > Ар *моль* III 'пена', РХх *маф* IV, Б *мэф* IV (также Л *марф*, Т *марх*, АФ *марф*) и др.

Как инновацию следует, видимо, рассматривать и принадлежность к IV классу крызских лексем *хархар* 'горох' при Р *хар* III, Ц *хара* III (ср. также Л *хар*, Т *хар*, А *хур*) <**хара* III, *силсил* 'рожь' при Р *сыкыл* III, Ц *сыкыл*, III (ср. также Л *сил*, Т *сурсул*, АБ *сүүл*) <**сом*-(ок) III, *күүл* 'пшеница' при Р *гүүл* III, Ар *хөөхөөл* III (ср. также Л *күүл*) <**көөл* III и др.

Приведенными примерами, конечно, не ограничиваются колебания в классной принадлежности имен в современных лезгинских языках. Видимо, последующие исследования дадут ответ на вопросы, связанные с подобным явлением.

Характеризуя взаимоотношения эргативной и абсолютной конструкций предложения в лезгинских языках, нельзя не отметить в целом стабильности противопоставления глаголов по переходности-непереходности. Подавляющее большинство пралезгинских глаголов также может быть без колебания отнесено либо к переходному, либо к непереходному классу. Так, к переходным глаголам следует отнести:

**гылеца* 'жарить (зерно)' > ТК *уцуз*, Ауцас, Р *висас*, Ц *хьецас*, Ар *сесас*, К *гайсаьдж*, Б *кьасу*;

**йа'а* 'делать' > Л *ийиз*, Т *анлуз*, Р *ва'ас*, Ц *гьа'ас*, Ар *ас*, К *йеридж*// *йав'аьдж*, Б *си'и*;

**йетлал* 'связывать, обвязывать' > Л *илитлуз*, Т *йитлуз*, А *итлас*, Р *сибтлас*, Ц *йтлалас*, Ар *ебтлмус*, К *йубтлулидж*, Б *волтлу*;

**чалал*/(//кь)в А 'грызть, жевать' > Л *жакьваз*, Т *члвуркьуз*, А *члалкьвас*, Р *члавуркьвас*, К *члохьаьдж*, Б *члаху*;

**бийшаьн* 'месить (тесто)' > Л *тлушуниз*, Т *тлуршуз*, А *тлушас*, Ар *йушлмус*, К *тлубшунидж* 'топтать', Б *гьуллоншу*;

**акъаьр* 'брать, держать' > Л *кьаз*, Т *гьадагьуз* 'извлечь', АБ *акьас*, Р *гьавкьас*, Ц *авкьас*, Ар *бакьас* 'оставлять', К *йихьридж*, Б *сурху*, У *акьсун* и мн. др., в т.ч. **лаьгьы* 'бросать', **лахьла* 'копать', **Акьлар* 'пить', **охьы* 'беречь, охранять', **охьва* 'сосать', **отъ[ы]* 'рвать', 'срывать', **и'ваьл* 'есть, кушать', **ийьваь* 'брать, покупать', **и'ча* 'лизать', **ицла[н]* 'давать', **ихе* 'нести', **ихар* 'ткать', **ирлълаьр* 'за- резать (животное)'.

Класс непереходных глаголов включал, в частности, следующие лексемы:

**йицIвар* 'таять' > Л *цIураз*, Т *йерцIуз*, А *ицIвас*, Р *вицIас*, Ар *цIас*, К *йубцIуридж*;

**тIокI(//ə)аьл* 'лопаться' > Т *тIуркIуз*, АБ *тIулкьанас*, Р *тIубкьвас*, Ц *гьытIойкIалас*, Б *сотIолкьол*, У *той*;

**бахъIа* 'гаснуть' > Л *елуьхъиз*, Р *сбахъIас*, Ц *қIабахъIас*, Ар *абхIас*, **гъашъ* 'плакать' > Т *ишуз*, А *гIашас*, Р *йешес*, Ц *гешес*, К *вишъаьдж*;

**ычаь* 'гнить' > Р *сивчес*, Ц *хъIывчес*, Ар *шеIс*, К *савбчаьдж*, Б *серчер* и ряд других глаголов, в том числе **окъва* 'идти (о дожде)', **ичIваь* 'входить', **исван* 'гаснуть', **иркье(р)* 'мерзнуть', **ильве* 'идти', **илы* 'быть', **илхъIар* 'смеяться', **ахаьр* 'спать'.

В ряде случаев можно обнаружить и лексическое противопоставление переходных и непереходных значений, ср. **йатаьр* 'оставить, отпустить' (> Л *таз*, Т *гьитуз*, А *атас*, Р *сабтас*, Ар *абтис*, К *йабтыридж*, У *бартесун*) ~ **еъха* 'остаться' (> Р *хъигьибхвас* 'отстать', Ц *ахвас*, Ар *беъас*). Более детальное исследование лексики лезгинских языков в сравнительно-историческом аспекте, несомненно, выявит целый ряд пар глаголов с подобным противопоставлением.

Вместе с тем нельзя не заметить существования в современных лезгинских языках "остаточного" класса глаголов, способных в одной и той же форме выступать как в роли переходных, так и в роли непереходных. Количество такого рода глаголов, получивших в литературе наименование лабильных, или диффузных, в современных языках невелико. В лезгинском, например, сюда можно отнести *кьын* 'умереть, убить', *хун* 'разбить(ся)', 'родить(ся)', *џурун* 'печь(ся)', *кун* 'гореть, жечь', *кьурун* 'сохнуть, сушить', *атIун* 'оборвать(ся)', *ругун* 'кипеть, кипятить', *кьазунун* 'порвать(ся)' (Гаджиев 1954, 98—100). В арчинском языке насчитывают до 23 лабильных глаголов (см. Кибрик и др 1977а, т. 1, 75—76), в т.ч. *акIас* 'откалываться, гнать', *ахъIас* 'разбивать(ся)', *ас* 'создавать(ся)', *аъас* 'пачкаться, штукатурить', *еъас* 'горько плакать, наливать', *еъас* 'проливаться, выливать', *еъас* 'оставаться, причесывать', *елъас* 'лежать, класть', *геркъ-бос* 'свисать, качать', *гьакъас* 'собирать(ся)', *гьалрш-бос* 'кипеть, кипятить', *мIур-бос* 'натираться, тереть', *олIас* 'продавать(ся)', *окъIас* 'тонуть, глотать', *кьIас* 'делить(ся)', *сас* 'попадать, трогать', *субус* 'варить(ся)', *цахас* 'падать, кидать', *цIур-бос* 'ныть (о боли), сосать', *чарас* 'печь(ся)', 'жарить(ся)', *чваргъI-бос* 'выливать(ся)', *уъас* 'гореть, жечь', *хашас* 'рвать(ся)'.

Как видно, способность выступать в переходном и непереходном значениях сохраняют рефлексy таких пралезгинских глаголов, как **окъы* 'гореть, жечь', **орлъар* 'варить(ся), кипеть, кипятить', **ичар* 'жарить(ся)', **ихва* 'родить(ся)', **илье* 'умирать, убивать' и нек. др.

Реконструкция пралезгинского глагольного словаря позволяет предположить, что в общелезгинскую эпоху число лабильных глаголов было большим. Прежде всего на это указывает наличие лексических соответствий между переходными глаголами одних языков и непереходными глаголами других:

Ц *гитиџанас*, К *цџиџнидж* 'скользить'~Л *цџугвас*, Т *зигуз*, АТ *дивас*, Ар *шуммус* (ср. *олџмус* 'выходить наружу'), К *џиџнидж*, Б *џун* 'тянуть' < ПЛ **џилџавън* 'тянуть(ся)';

Л *алцифиз* 'отстаиваться (о воде)'~АБ *цџуфис* 'сосать', Ц *гыцлерахъвас* 'просеивать' < ПЛ **цџельвы*;

Ц *алиџларас* 'крутиться'~Т *арџлуз* 'катать (тесто)', РХх *ывырклас* 'заворачивать' < ПЛ **акџАр*;

Ар *чахџ-бос* 'течь', *чахлар* 'быть очень мокрым', К *абџх'аџдж* 'пачкаться'~Л *чухъуџ* 'мыть, стирать', Т *кчахџлуз* 'мазать, тереть' < ПЛ **џхџы*,

У *арцесун* 'сидеть, садиться'~Т *урсуз* 'сажать' < ПЛ **[о]џА*;

Т *утџукъуџ* 'сажать'~Л *ацукъыз*, А *икъвас*, Р *сукъвас*, Ар *окъис*, Б *аткъол* 'сидеть, садиться' < ПЛ **икъваџ*;

А *алџадаркас* 'опрокинуть', У *саксун* 'валить, ронять'~Т *алдакуз*, ЦЦ *гыгџџайкарас*, Ар *ебкас*, Б *џлашки* 'падать' < ПЛ **еркыр* и т.п.

Подобные колебания легко объясняются, если принять в качестве исходной "лабильную" семантику вышеперечисленных глаголов с последующей лексикализацией в переходном или непереходном значении. Во всяком случае гораздо сложнее объяснить переход глагола из одного разряда в другой при уже сложившейся оппозиции по переходности~непереходности.

На исконную лабильность глагольной лексемы может указывать также и то, что имеющиеся в некоторых языках лексемные противопоставления переходных и непереходных значений являются новообразованиями: один из членов такой пары, как правило, по крайней мере в своем нынешнем значении не обнаруживает общелезгинских параллелей. В качестве примера можно привести арч. *ачас*, буд *арамџу* 'убивать' при объединении в других лезгинских языках значений 'убивать' и 'умирать' в единой лексеме (< **ильџе*). Относительно новый характер противопоставления показывает и цахурский язык, где эти значения дифференцировались с помощью различных превербов, ср. *хџиклас* 'умирать'~*гиклас* 'убивать'.

Новообразования в сфере синтаксиса простого предложения в основном касаются согласования. С одной стороны, лезгинский, агульский и удинский языки, утратив категорию класса, следуют нормам эргативности лишь с точки зрения падежного оформления именных членов предложения (об удинском см. ниже). С другой стороны, в табасаранском и удинском языках возникло личное согласование глагола с именными членами предложения. В обоих языках становление системы личного согласования проходило путем повтора личного местоимения при глагольной форме. При этом в табасаранском языке и поныне при глаголе может выступать в качестве личного показателя практически любая падежная форма соответствующего местоимения, ср. *џиз бай гџџура-џиз* 'мой сын идет', *узугъна риш гџџура-зугъна* 'ко мне девочка идет' и т.п. (Ханмагомедов 1970, 71). Однако систематически подобное "вклинивание" личного местоимения в глагольную форму наблюдается лишь в сфере выражения главных членов предложения. Исконная система личных показателей табасаранского языка может

быть представлена в следующем виде:

	І л е д	ІІ л е д
Абсолютный ряд	-зу	-ву
Эргативный ряд	-за	-ва
Аффективный ряд	-зуз	-вуз

В настоящее время аффиксы эргативного ряда практически выполняют функции субъектных, оставляя за абсолютным выражение объекта переходного глагола и субъекта при незначительном количестве непереходных глаголов, обозначающих непроизвольное состояние субъекта: *сарун гъаври' гъахун-зу* 'теперь я понял', *уву ряхъди'ан гъап-луз адахъна-ву?* 'ты почему с дороги сбился?' и т.п. (Ханмагомедов 1970, 68). Подобное противопоставление аффиксов субъектного (<эргативного) и объектного (<абсолютного) рядов квалифицируется как признак активного строя (Кибрик 1979б, 23). Если же учесть переходный характер табасаранской схемы, вряд ли можно согласиться с такой интерпретацией.

В удинском языке личные показатели выполняют лишь субъектные функции. При этом противопоставлены личные суффиксы переходных и непереходных глаголов, с одной стороны, и аффективных глаголов, с другой: *бу-з(у)* 'я есмь', *бе-з(у)* 'я сделал', но *аба-за(х)* 'я знаю'. Особый ряд личных аффиксов имеет также глагол 'быть (иметь)', *бу-без(и)* 'я имею' (Джейранишвили 1971, 295—296).

Факты личного субъектного согласования, построенного на тех же принципах, отмечаются и в крызском языке: *зын карджаън тезпаъча шер-зын* 'я на работу спешу', *зын марка конвертджуъ къуькodu-зын* 'я марку на конверт наклеил', но *аьныр зын аьтаьджи* 'он меня побил'. В будухском такие показатели выступают в качестве префиксов при дополнении — личном местоимении: *зын за-вез су'ал йыведжи* 'я тебе вопрос задал'.

Второй особенностью синтаксической структуры некоторых лезгинских языков, относящейся к числу инноваций, является наличие переходных предложений с двойным абсолютивом: в цахурском и арчинском языках аналитическая форма переходного глагола-сказуемого допускает параллельное употребление имени субъекта в эргативе и абсолютиве, ср. цах. *дакѐ зер тлалабѐ во-б* (эрг.) ~ *дак, зер тлалабѐ во-р* (абс.) 'отец корову ищет' (Кибрик 1980, 3); арч. *бошорму клос ариши и* (эрг.) ~ *бошор клос ариши в-и* (абс.) 'мужчина нож делает'. Ограниченность употребления вариантов с абсолютным падежом субъекта позволяет сделать вывод об их вторичности. Можно полагать, что их наличие обусловлено логическим выделением различных частей предложения (Кибрик 1975).

Третьим существенным моментом, характеризующим изменение синтаксической структуры лезгинских языков, является формирование в удинском языке аккузатива (Дирр 1904, 16). Как показали специальные исследования (Панчвидзе 1940а), аккузатив в удинском языке имеет инновационный характер и восходит к одному из локативов. Дальнейшая трансформация в удинском языке системы оформления

субъектно-объектных отношений охватывает уже и способы выражения субъекта: в мирзабейлинском говоре эргатив субъекта при переходном глаголе заменяется абсолютивом (> номинативом), ср. *баба ушле кәце* 'отец дрова колет', *вичи оне цане* 'брат сено косит' и т.п. (Гукасян 1977, 289).

Наконец, новообразованием представляется использование специального аффективного падежа для оформления имени субъекта аффективной конструкции в цахурском языке, ср. *закІле ацІан йыгъын до* 'я знаю твое имя' и др. На инновационный характер подобной модели может указывать, с одной стороны, единообразие построения аффективной конструкции в остальных языках и, с другой стороны, отсутствие этимологических коррелятов аффиксу аффектива *-кІле*. Учитывая, однако, возможность нейтрализации противопоставления датива и пространственных падежей, можно полагать, что цахурский аффектив является по происхождению локативным.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Дополнение

Среди различных видов косвенных дополнений в лезгинских языках наиболее отчетливо выражены адресатное и инструментальное. Первое, как правило, оформляется дативом, ср. "Одно из самых распространенных значений дательного падежа — это указывать лицо или предмет, к которому направлено действие. В данном значении дательный падеж выражает объект, в интересах которого, в пользу или во вред которому совершается действие, и отвечает на вопросы: кому, для кого, ради кого" (Мейланова 1960, 67). Употребление датива при косвенном дополнении глагола 'давать' и подобных ему можно проиллюстрировать следующими примерами: лезг. *за чукІул стхадиз гана* 'я нож брату дал', таб. *дадаиш шураз жакІул багъиш гъапІну* 'мать дочери куклу подарила', агул. *кумак акъе ми инсандис* 'помоги этому человеку', крыз. *гаьдаьр шийис фу вуйидж* 'мальчик брату хлеб дал', буд. *зын зэвэз су'ал йывэджи* 'я тебе вопрос задал'.

Как адресат обычно трактуется в языках лезгинской группы объект внешнего воздействия: лезг. *ада вичин тунІуз раб акъадарна* 'он свой палец уколол', агул. *ми гадайс х'айванин лак киркъуне* 'этого мальчика лошадь лягнула', рут. *гъановы зас гъІун ыхІыр* 'он меня плечом задел', крыз. *даьйир риши ижиджис кІуф вуйидж* 'мать девочку в лицо поцеловала'. Как видно из примеров, в качестве прямого дополнения в такого рода предложениях выступает инструмент.

Однотипность выражения адресатного дополнения в лезгинских языках позволяет говорить о пралезгинском характере данного явления. Вместе с тем довольно последовательно здесь прослеживаются признаки противопоставления в данной функции датива локативным падежам. Последние, употребляясь для выражения адресатного дополнения, придают ему конкретно-пространственный оттенок, ср. крыз. *аьну ли китаб муцІу* 'ему эту книгу не давай', где использование формы локатива *аьну* вместо *аьныз* 'ему' придает действию оттенок конк-

ретенности: "дать на конкретное время". Нейтрализация этого противопоставления в современных лезгинских языках приводит к закреплению употребления локативов в функции адресата при некоторых глаголах

Инструментальное дополнение оформляется в рассматриваемых языках различными средствами. В восточно-лезгинских языках оно, как правило, выражается одним из направительных падежей, ср. лезг. хл. *за бушкадай крушкадилди йад каьна* 'я из бочки кружкой воду зачерпнул' и т.п. В остальных языках в этой функции используются комитативы: рут. *кэумишийир кантЫкван хьыв ратІура* 'сосед ножом хлеб режет', арч. *буваму мукуллилѳу нолІ ерлІуриши и* 'мать веником док подметаёт', крыз. *гІайаьлджир дагъаракъван шушаь хва-лаьдѳж* 'ребенок камнем стекло разбил', буд. *гъеджир ведреджизын вис чуладѳж суь* 'уьрдѳжи 'женщина ведром родник замутила'.

Поскольку приведенные формы в целом различны по происхождению, естественно предположить относительно поздний характер их употребления в данной функции. Исконным же средством оформления инструментального дополнения, видимо, служил эргативный падеж. Его функционирование наряду с комитативом в данном значении и в настоящее время наблюдается в некоторых языках, ср. арч. *мукулли* 'веником', рут. *кантЫр* 'ножом', являющиеся равновозможными с комитативными формами *мукуллилѳу* и *кантЫкван* в приведенных выше предложениях. В более ограниченном числе конструкций факты использования эргатива для обозначения инструментального дополнения обнаруживаются и в крызском языке, ср. *чугун йитар гІацІуь* 'котел медом наполнен' при *гереки чухур некъвакьан гІацІваьридж* 'нужно ему землей наполнить (засыпать)'.

Что касается восточно-лезгинских языков, то здесь эргатив в данной функции практически не выступает, хотя, например, в некоторых говорах табасаранского языка встречаются предложения типа *гагайи йакІу клакІлар гьиритІуда* 'отец топором дрова рубит' (см. Магомедов 1965, 132). Интересно отметить, что, по мнению У.А. Мейлановой (1960, 51) "лезгинский эргативный падеж исторически сужает свои значения, постепенно сохраняя за собой только функцию подлежащего при переходных глаголах. Подтверждением этому предположению служит не столько тот факт, что эргативный падеж в орудном и иных значениях в современном лезгинском языке встречается сравнительно редко, столько то, что для такого употребления эргативного падежа не чувствуется в языке тенденции к дальнейшему развитию".

При значительном разнообразии падежных форм, выражающих другие виды косвенных дополнений, все же можно выделить общелезгинские модели для оформления по крайней мере некоторых из них. Так, косвенное дополнение при глаголах информации 'рассказать, разговаривать, спрашивать' и т.п. выражалось исходным падежом локальной серии 'на горизонтальной поверхности' (ср. рут. *гъановы зада гъайик-ла худкур* 'он меня об этом спросил'). Исходный падеж локальной серии 'на поверхности' оформлял дополнение в сравнительных конструкциях (лезг. *гадади-л-ай руша хьсан клелзавай* 'девушка училась лучше юноши'). Глагол *бояться* требовал дополнения

в исходном падеже серии *под* (крыз. *вулбес ебил-к-ир кичли* 'овцы волка бояться') Дополнение глагола 'смотреть' и ему подобных оформлялось направительным падежом локальной серии 'за' (рут. *едечи хынхы-х-ды гаркьара* 'мужчина на мальчика смотрит'). Из-за слабой изученности данного вопроса в синхронном плане выявление общелезгинских моделей управления при других глаголах пока не представляется возможным.

Обстоятельство

Как и в современных языках, обстоятельство места в пралезгинском выражалось с помощью локативных падежей имен, а также пространственных наречий, образованных от местоименных основ по модели "основа + показатель адъектива + пространственный падежный аффикс". Как справедливо отмечает Б.Г.-К. Ханмагомедов, "направительное значение датива в лезгинском языке, как и в табасаранском, явление позднейшее, связанное с вытеснением в языках лезгинской группы дательным падежом направительного падежа I серии" (1970, 93).

Обстоятельство причины уже в пралезгинскую эпоху выражалось исходными пространственными падежами, на что указывает их широкое употребление в данной функции и в настоящее время: арч. *кино-литтиш зон мах* рун *евти* 'из-за кино я опечалился', крыз. *кьаьйикир глайаьли баьсаьраглаьджиб* 'от холода дети дрожали', буд. *ал лаха клул бархудасызуваьлджикир глохуджи* 'тот верхний дом от бесхозности развалился'. Видимо, и эргатив употреблялся в данном значении (ср. арч. *товмун шуштлили ез нацI котлу* 'из-за его шепота я ничего не слышал').

Основным средством оформления обстоятельства цели являлся датив, сохранивший эту функцию и в современных языках: рут. *зад йак кьийиц сихьыр* 'я мясо на зиму заготовил', агул. *ми инсанди цлекли-нис баьриш хуб рукуне* 'этот человек к свадьбе сто баранов зарезал', крыз. *колхозджир глайаьлбес цлийаь маьктаьб кьухду* 'колхоз для детей новую школу построил' и др. В этой же функции может выступать и форма инфинитива: рут. *хынимаьр дамы ус гьа'ас гьадхлыр* 'дети в лес дрова собирать (букв. 'делать') пошли'.

Наконец, на пралезгинский уровень может быть спроецировано и широкое употребление в обстоятельственной функции различных деепричастий. Естественно, наиболее типичным значением деепричастных форм является временное (ср. функции деепричастий на *-на, *-ка(на), *-ла). Помимо деепричастий средством выражения обстоятельства времени служили, во-первых, имена временной семантики типа *день, лето, весна* в различных падежных формах (в этом отношении современные языки дают довольно пеструю картину: временное значение может выражаться генитивом, дативом, эргативом и локативами, т.е. практически всеми падежами, что затрудняет восстановление исходных моделей), и, во-вторых, некоторые первообразные наречия времени типа *кьи// *кьаь 'днем, сегодня', *моса 'когда', *накь(а) 'вчера', *шваI [с] 'в прошлом году' и др.

Определение

В пралезгинском языке существовали два вида определений: именное, выраженное именем в генитиве, и адъективное, представленное широким классом адъективов (местоимений, числительных, причастий). Круг значений генитива в пралезгинском в целом, по-видимому, сохранился в современных языках лезгинской группы:

1) принадлежность: лезг. *сикIрен тIеквен* 'листья нора', таб. *бабан шал* 'мамина шаль', агул. *кьуншийин тула* 'собака соседа', арч. *дийан нольI дом отца*;

2) отношение "часть — целое": лезг. *тарIцин нун* 'корень дерева', таб. *стулин лик* 'ножка стула', агул. *цIармарин йарш* 'ось арбы', арч. *хашнан халацIи* 'рукав рубахи';

3) отношение "предмет — материал": лезг. *йурун кьвар* 'медный кувшин', таб. *гьвандин хулар* 'каменный дом', агул. *кIуранин кьас* 'деревянная кровать', арч. *лацуIтен багьижа* 'железное кольцо';

4) отношение "группа — состав": лезг. *инсанрин кIанIал* 'толпа людей', таб. *нагларин гьварч* 'сборник сказок', арч. *ноцIорчен хан* 'стая птиц';

5) пространственное отношение: лезг. *суван цуьквер* 'горные цветы', таб. *гьулан духтир* 'сельский врач', арч. *хавалин х'елеку* 'песная курочка';

6) временное отношение: лезг. *йифен ахвар* 'ночной сон';

7) определительные отношения: лезг. *ичин тар* 'яблоня', арч. *лацуIтен уста* 'кузнец'.

Аналогичными значениями обладают генитивы других языков, не восходящие непосредственно к пралезгинскому *-н, ср. крыз. *ший тIаьтIаьх* 'папаха брата', *бегьраьмджи халхадж* 'рукав рубахи', *кIынадж кьов* 'деревянный мост', *дагьярбе тупа* 'куча камней'.

Пожалуй, наиболее существенный сдвиг в значении генитива в современных языках — появление у него субъектно-объектных значений. В целом лезгинские языки сохраняют падежное управление глаголов в отглагольных именах, ср. таб. *бай ишуб* 'плач ребенка', *инсан ктIерIуб* 'болезнь человека'. Однако в некоторых случаях возможно и употребление генитивного определения при отглагольных именах. В арчинском, например, такое определение характеризует имена, образованные от прилагательных (ставивных глаголов): *еймин бухIакул* 'доброта матери', *гьалмахмун бах арчикул* 'храбрость друга' и т.п. Менее последовательно употребление генитивного определения при именах, образованных от активных глаголов (переходных и непереходных). Во всяком случае здесь довольно частым оказывается параллельное употребление генитива и абсолютива, ср. цах. *карбы* / *карбышын гьодгьулы* 'стирка белья', *йьв* / *йьвын кьацIабкIуни* 'рубка дерева', *китаб* / *китабын кьаткьIи* 'чтение книги'.

К факторам, регламентирующим употребление генитива и абсолютива в подобных конструкциях, можно отнести, например, семантику имени. Так, при генитивном оформлении одушевленных имен (ср. *балканджи гIаьбхырыдж* 'ходьба лошади', *гIайаьлджи ишаьдж* 'плач ребенка', *шидры хьуридж* 'смех сестры') в крызском языке неодушевленные имена сохраняют форму абсолютива: *вирагь кьаьбчIидж* 'восход солнца', *витIил гIаькьIидж* 'падение капли', *йемхидж кьидфьидж* 'наступление осени' и др. При этом, по-видимому, не допускается упот-

ребление генитива субъекта при именах, образованных от переходных глаголов. Не допускается и употребление генитива объекта при неопущенном имени субъекта: цах. *иче карбы гьодгъулы* 'стирка белья де-вушкой', но не *иче карбышын гьодгъулы*.

К адъективным определениям, как мы говорили, относятся определения, выраженные местоимениями, числительными и причастиями. В настоящее время с уверенностью можно сказать пока, что определения-числительные согласовывались с определяемым с помощью суффиксального классного показателя сильной серии, а определяемое при этом имело форму ед. числа, поскольку подобная ситуация сохранилась и в современных лезгинских языках. Что же касается других видов адъективных определений, то показания различных языков с точки зрения классного согласования адъективов весьма противоречивы. Единственное утверждение, не вызывающее сомнения, касается согласования посредством префиксального (инфиксального) классного экспонента причастия со своим объектом, который может совпадать или не совпадать с определяемым.

Отличительной чертой общелезгинской модели определительных словосочетаний с зависимым числительным является употребление стержневого слова в форме единственного числа, что отражается и в согласовании с данным словосочетанием глагола (ср. крыз. *самалугъджи далыджаьр фы-р адми къа-р-фыд* 'из-за сарая пять человек вышли').

Распространенная в лезгинских языках модель количественных сочетаний с неисчисляемыми существительными ("числительное + нумератив + неисчисляемое имя") типа крыз. *саьб истаькан хъаьд* 'один стакан воды', видимо, является заимствованной, ср. азерб. *бир финчан су* 'одна чашка воды'. Исконной же могла быть конструкция с неисчисляемым именем в генитиве (арч. *лъейен истакан* 'стакан воды' и т.п.).

СЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Под сложными конструкциями здесь понимаются предложения, имеющие дополнительное модальное значение, выражаемое вспомогательным глаголом. Данные современных языков позволяют говорить по крайней мере о двух таких конструкциях, имеющих общелезгинский характер. Так, при помощи вспомогательного глагола *быть* выражается значение возможности: лезг. *адавай и кар ийиз хъана* 'он это дело сделать смог', таб. *жара саягъниинди ухъхъан ихъ фикрар ачухъ аплуз шулдар* 'другим способом мы свои мысли выразить не можем'; агул. *завас хъед уха байада* 'я воду пить не могу'; рут. *гадийеда халы хъикъас гъыкыс* 'мальчик домой прийти может' (Кибрик 1980, 27); буд. *гъанувор футбол суь'уьр йухъори* 'кто в футбол играть может?'.

Структура подобных предложений достаточно однотипна: Имя субъекта в исходном падеже (по-видимому, серия *-лъа- 'у, около') + Целевая форма смыслового глагола (в случае его переходности с препозитивным именем объекта) + Глагол 'быть'. Видоизменения в различных языках могут касаться оформления как имени субъекта (в рутульском и арчинском), так и смыслового глагола (в будухском).

Тем не менее следует подчеркнуть значительную устойчивость данной модели при том, что в лезгинских языках имеются и другие способы выражения сходных значений — полнозначные глаголы *знать* и *иметь*.

Надо полагать, конструкции предложения, выражающие в восточно-лезгинских языках произвольность действия (ср лезг. *рушавай къаб хана* 'у девушки тарелка разбилась/девушка нечаянно тарелку разбила'), восходят к охарактеризованной модели.

Значение долженствования передается вспомогательными глаголами *любить*, *хотеть*, ср. таб. *дугъу мес'ела гъIал даIну кунду* 'он задачу решить должен', рут. *улик накъв сыв'ыр гъыгар* 'сначала землю привезти надо' и др. В отличие от предложений со значением возможности здесь модель управления смыслового глагола сохраняется. Последний при этом получает форму деепричастия терминатива (в цахурском — целевую форму). В последнее время эта конструкция вытесняется заимствованиями: *герек*, *лазим*, *маджбур* 'надо, нужно, должен'.

Условно к сложным конструкциям можно отнести и каузативные предложения, строящиеся в большинстве случаев с помощью глагола *деIать*: рут. *зад цIай ликIу гъы'ыр* 'я огонь разжег', арч. *чIийили ло еIас ав* 'шум мальчика разбудил'. При сохранении абсолютного падежа субъекта (или объекта в случае переходного глагола) исходного предложения, эргативный падеж субъекта смыслового глагола трансформируется в один из локативных падежей: лезг. *чIугъаз тамир на зав и агъ* 'не заставляй меня рыдать'. Трудно сказать, какова в каузативных предложениях исконная форма смыслового глагола — инфинитив (арч.) или основа терминатива (рут.).

Выделение собственно сложного предложения в современных лезгинских языках представляет довольно тяжелую задачу. Видимо, об этой синтаксической категории можно говорить лишь в случае употребления специальных сочинительных и подчинительных союзов, являющихся либо заимствованиями, либо очевидными новообразованиями. Общелезгинским же способом построения "сложных" предложений оказывается использование различных деепричастных, причастных и масдарных конструкций.

Что касается сочинительных связей (однородности), то они выражаются посредством союзных частиц **на* и **ра*, употреблявшихся при этом только для соединения именных групп. Аналогом сочинения глагольных сочетаний являлись опять же деепричастные обороты, ср. рут. *сийеныбиши магъIнибыр гъа'ар дулхъерай* 'все песни пели и плясали' (букв. 'песни делая, плясали').